

A man in a dark, possibly military or police uniform, stands with his back to the camera in a room. He is positioned between two sets of metal bunk beds. The room is dimly lit, but a bright, intense yellow light source, possibly a fire or a large lamp, is visible in the background, casting a strong glow on the man and the surrounding environment. The man's uniform is dark and appears to be made of a heavy material, possibly leather or a similar synthetic material. He has short, dark hair. The overall atmosphere is somber and dramatic.

Матвей Пеликанов

ЧЁРНЫЙ КОНВЕРТ

Матвей Пеликанов

Чёрный конверт

«Автор»

2026

Пеликанов М.

Чёрный конверт / М. Пеликанов — «Автор», 2026

Потеряв родных в страшной катастрофе, Андреас попадает в кадетский корпус. Он сталкивается с настоящей ненавистью со стороны других детей, оставшихся сиротами - отца Андреаса считают виновником катастрофы. Однако Андреас узнаёт неудобную правду, и ему приходится решать, что делать с этой правдой.

© Пеликанов М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Чёрный конверт	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Чёрный конверт

Чёрный конверт

Неровная растерянная шеренга выстроилась на плацу. Было пасмурно и холодно, шипели Л-фильтры. Офицеры в серой форме тихо переговаривались. Толстый пацан справа от меня сопел и хмурился. Мальчик слева шмыгал носом и поддёргивал сползавшие штаны. Мне достались не сползающие штаны, только коротковатые, а вот мягкая серая толстовка была велика. Одежда, которую нам выдали в лагере сразу же после выхода из скатлера на Землю, пахла стиркой и чем-то медицинским. Наши собственные вещи, пропитавшиеся гарью и едкой химией, сожгли в печках на колёсиках прямо в лагере.

– Ра-внясь! – вдруг громко и непонятно крикнул длинноносый офицер в серой форме. Я посмотрел на соседей справа и слева, но они тоже крутили головами. Офицер разочарованно протянул: – Агста-а-авить По порядку номеров

– Рубик, отстаньте от детей! – дребезжащий голос прервал длинноносого офицера. От крыльца пятиэтажного бетонного здания торопливо шагал круглый старичок в форме. Рядом с ним шла высокая женщина в чёрном комбинезоне.

– Вы почему не включили пушки? Дети же простудятся, Рубик, ради бога включите пушки!

– Есть, господин полковник, – офицер Рубик ткнул в свой пэд. Меня окатило теплом от инфракрасной пушки, и я понял, что до этого мелко дрожал.

Полковник остановился перед шеренгой, снял фуражку и вытер платком вспотевшую лысину. Женщина встала за его плечом. У неё были блестящие чёрные волосы, собранные в тугий пучок. Женщина была очень красивая, но у неё совсем не двигалось лицо, только глаза быстро метались из стороны в сторону. Это было страшновато.

– Так, дети, – начал полковник, – рад вас видеть Тьфу, пропасть! Какое там рад. Я вам очень сочувствую. Беда такая, такая потеря!.. – полковник замолчал, пожевал толстую нижнюю губу, а потом продолжил: – В общем, дети, давайте знакомиться. Меня зовут Андрей Василич Губкин, полковник, директор кадетского корпуса имени Луначарского. Вот, вы теперь знаете меня. И мне тоже надо с вами познакомиться. Давайте вы по очереди, слева направо, будете себя называть, идёт?

Полковник Губкин достал из кармана пэд и разложил его. Глянув на экран, полковник поднял глаза на первого пацана в шеренге, самого высокого. Тот тряхнул светлыми волосами и сказал:

– Антон Лайне.

Антон повернул голову влево и кивнул следующему. Тот тоже представился, повернулся к следующему, и переключка пошла своим чередом: каждый называл своё имя и поворачивал голову налево, а Андрей Василич кивал и тыкал пальцем в пэд.

Сопящий толстяк справа от меня буркнул:

– Фёдор Прикорм.

Он повернул голову и выжидающе уставился на меня. Помедлив, я сказал:

– Андреас Миккелер.

На плацу вдруг наступила тишина, слышался только шорох Л-фильтров. Я повернул голову налево и встретился взглядом с соседом. Его глаза были очень круглые, а потом они сузились, он отвернулся от меня, подтянул штаны и прошипел свои имя и фамилию.

Переключка дошла до конца шеренги, Андрей Василич сложил пэд и убрал его в карман.

– Так, дети, – начал полковник, заложив руки за спину. – Вы теперь не просто дети, вы – воспитанники кадетского корпуса имени Луначарского. Надеюсь надеюсь, ненадолго. По край-

ней мере, не все надолго. Сейчас мы проверяем больницы, там ещё не всех опознали. Может быть, найдутся ещё чьи-то родители. Также мы ищем других ваших родственников. Тёти, дяди, дедушки, бабушки, двоюродные, троюродные Счётчики уже работают. Если Счётчики найдут родственников, то мы с ними свяжемся, и они за вами приедут.

– А если не найдут? – Антон Лайне, самый высокий в шеренге, снова тряхнул волосами и вызывающе уставился на полковника. Пацан слева от меня шмыгнул носом, Фёдор Прикорм засопел ещё сильнее и что-то пробурчал.

– Если не найдут? – переспросил Губкин и снова закусил нижнюю губу. Он сунул было руку в карман с пэдом, сразу достал её обратно, нахмурился, но тут женщина в чёрном наклонилась к уху полковника. Тот с облегчением проговорил:

– Вот комиссар Дейч вам хочет что-то сказать. Амира, прошу вас.

Комиссар Дейч шагнула вперёд и обвела нас взглядом очень чёрных глаз. Шеренга затихла.

– Я не буду вас жалеть, – сказала Амира Дейч. – Вас и так все жалеют. То, что ваши родные погибли – несправедливо, но жалость никого не вернёт.

Фёдор Прикорм насупил брови и сжал кулаки. Кто-то в левом конце шеренги громко всхлипнул. Взгляд Дейч скользнул в ту сторону, потом обратно и задержался на мне. Я опустил голову, а комиссар снова начала говорить, глядя прямо на меня:

– Ваших родных убила некомпетентность. Их убили жадность и безответственность. Безответственность тех, кто пренебрёг директивами Счётчиков ради своей наживы. Я думаю, этот день мы очень хорошо запомним. Мы запомним, что бывает от безответственности. Мы запомним, что бывает, если не выполнять директивы. Мы запомним?

Зазвучал нестройный гул детских голосов. Комиссар Дейч кивнула и шагнула назад.

– Спасибо, Амира, спасибо, – закивал Андрей Василич. – Так, дети, теперь вас офицеры проводят в спальни, устройтесь там. Потом обед, после обеда пойдёте к психологам. Всё, вольно, шагайте!

Мне достался нижний ярус металлической двухэтажной кровати, одной из шестнадцати в нашей спальне. На покрывале лежал пакет с наклейкой Миккелер Андреас. Я сел на край кровати. Проходы между кроватями были очень узкими, потому что комната была рассчитана на восемь кроватей, а ещё восемь в неё поставили к нашему прибытию. Старые кровати выглядели уютными, обжитыми. На тумбочках лежали зарядки для пэдов и всякая личная мелочь. В спальне пахло дезодорантом и немножко носками.

Я развернул пакет и достал из него чёрную толстовку, серые штаны с разными карманами и серую форменную куртку. Рядом с кроватью стояла пара высоких чёрных синтикожаных ботинок. Я быстро переоделся. Форма очень хорошо подошла мне, она сидела гораздо лучше, чем трикотажные пижамы, которые нам выдали в лагере на скатлерной площадке Балтика. Зеркала в спальне не было, поэтому я немного отошёл от окна и посмотрел на своё отражение в стекле. Лица в таком отражении было почти не видно, в окне как будто стоял солдат в серой форме. Я снова почувствовал едкий запах горячей химии, услышал вой сирены и пробивающееся сквозь него истеричное библиканье машины сзади нашего автобуса. Мои ноги стали какими-то слабыми и мягкими, на всякий случай я снова сел на кровать.

Автобус намертво встрял в пробку. Дорога к скатлеру шла через ущелье, и там, видимо, что-то случилось. По крайней мере, так вполголоса говорил водитель автобуса учительнице. Я слышал это, потому что сидел на первом ряду. Рядом со мной сидела девчонка-первоклашка, которая начинала хныкать от страха, как только я прекращал пересказывать Невероятные приключения осьминога-планетолога Октавиуса Спрута. Хорошо, что я помнил наизусть те серии, которые Эмма смотрела чаще всего.

Конечно, успокаивать девчонку, которую звали Лина, должна была учительница, а не я. Но учительница постоянно шептала водителю или поправляла ирпис у себя в ухе и тыкала в

пэд, пытаюсь с кем-то связаться. Сеть исчезла ещё когда мы ждали автобусы у школы, прямо пока я разговаривал с мамой. Мама успела сказать, что садится с Эммой в машину, и что мы встретимся у скатлера.

Учительница и водитель пытались решить, что делать. Учительница хотела сделать всем маски из ткани, вывести из автобуса и пешком бежать к скатлеру, а водитель считал, что надо заткнуть в автобусе все щели и переждать. Они спорили и никак не могли договориться, а потом водитель вдруг замолчал и ткнул пальцем в зеркало заднего вида.

В зеркале был виден город, и над его крышами вспухало мутное желтоватое облако. Учительница тоже замолчала, и я замолчал. Машины вдруг загудели так громко, что я перестал слышать хныканье Лины. Она уткнулась лицом мне в бок, размазывая сопли по рубашке. Все школьники в автобусе тоже замолчали и стали вертеть головами, пытаюсь разглядеть через окна, что там происходило. А в окно я видел, как из машин выскакивают люди и начинают бежать вперёд, к ущелью, а навстречу им бегут солдаты в серой форме, в масках и с тяжелыми мешками за спиной, расталкивая и даже сбивая с ног тех, кто им мешает.

Один солдат подбежал к нашему автобусу и забарабанил кулаком в дверь. Водитель открыл, солдат запрыгнул в автобус. Он швырнул мешок на пол и развязал затяжки. Респираторы – голос из-под маски прозвучал глухо. – Размер один, надевайте всем и за мной. Ну, живо!

Солдат вытянул из мешка похожую на осьминога охапку респираторов. Учительница, спохватившись, взяла респираторы и пошла по проходу между креслами. Я помог Лине надеть маску и подтянуть её, а потом пропел задушенным респираторным голосом Он тут, и он крут! Непревзойдённый – Октавиус Спрут!. Лина шмыгнула носом и так же респираторно хихикнула. Мы стали выбираться из автобуса.

Жёлтое облако перехлестнуло через город и поползло к ущелью. Выбравшиеся из автобуса школьники замирали, зачарованно глядя на облако. Учительнице и солдатам приходилось подгонять детей. Наконец, получилось выстроить колонну. Первыми стояли двое солдат, затем мы с Линой, потом ещё двадцать пар. Учительница с водителем и вторая пара солдат замыкали колонну. Бегом – марш! – команда прозвучало глухо и невнятно, но мы сразу же рванули вперёд, следом за крепкими спинами в серых форменных куртках.

Пара солдат во главе колонны работала как таран. Они распахивали замешкавшихся людей, толпящихся у мешков с респираторами, отбрасывали с дороги брошенные вещи. Они даже дважды двигали оставленные машины, перегородившие дорогу. Потная ладошка Лины так и норовила выскользнуть из моей руки – первоклашка спотыкалась, задыхалась, пыталась снять респиратор, и только авторитет Октавиуса Спрута помогал хоть как-то держать её на ногах.

Мы приближались к ущелью, и солдатам впереди колонны всё чаще приходилось притормаживать, расталкивать, уговаривать, распахивать У входа в ущелье мы встали. Впереди между машинами стояли люди, и им было некуда сдвинуться, некуда сделать шаг. А сзади наползало жёлтое облако, и даже сквозь респиратор чувствовался едкий, горький и очень тревожный запах горячей химии. Солдаты ругались с людьми, озабоченно переговаривались друг с другом, поправляли ирписы и клали ладони на кобуры с пистолетами, но двигаться было некуда. Лина устало опустилась на асфальт и прислонилась спиной к огромному колесу брошенного пикапа. Я собрался было сесть рядом с ней, но тут что-то грохнуло, а потом ещё и ещё раз. Толпа, заполнявшая пространство между машинами, загудела и подалась в стороны, место, чтобы сдвинуться, сразу нашлось.

Путь в толпе пробивали несколько людей в чёрных костюмах – то ли комбинезонах, то ли скафандрах, очень лёгких и гибких. В руках у них были короткие автоматы, и они стреляли из них в воздух. Солдаты во главе нашей колонны напряженно замерли, один из них расстегнул кобуру, а другой и вовсе достал пистолет. А люди в чёрном подбирались к нам всё ближе и ближе, оставалось метров пятьдесят, и большой толстый дядька встал у них на пути, размахивая

вая руками – снова грохнуло, и дядька повалился на асфальт. Первый чёрный человек перешагнул через него и бросился к нам, а двое следующих, взяв дядьку за руки и ноги, забросили его под грузовик. Голос чёрного человека из динамиков его шлема звучал чисто и ясно: До скатлера расчистили. Порядок, двигаем?..

Вдруг что-то заслонило мне свет. Подняв голову, я увидел, что рядом с моей двухэтажной кроватью столпилось человек десять, а то и больше. Прямо передо мной, засунув руки в карманы форменной серой куртки, стоял Антон Лайне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.